

ВЛИЯНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО Б.К. ЗАЙЦЕВА

В статье рассматривается влияние Вл. Соловьева на мировоззрение Б.К. Зайцева (1881-1972). В ней содержатся основные идеи философии Вл. Соловьева, положившие основу формирования жизненной и творческой позиции Б.К. Зайцева. Характеристика художественного мира писателя, и прежде всего его мировосприятия, проводится на анализе раннего периода творчества Б.К. Зайцева.

Для объективного восприятия творческого пути Б.К. Зайцева важно знать, какие факторы повлияли на становление его мировоззренческой позиции. Точную картину можно получить благодаря детальному изучению тех направлений в области философии, к которым тяготел писатель на протяжении своей жизни.

Не будет преувеличением сказать, что из крупнейших деятелей русской философии и культуры последних десятилетий XIX века и первых XX века едва ли не каждый испытал в той или иной степени влияние личности философа и его идей. Под знаком его идей шло развитие религиозной философии конца XIX – начала XX века, в частности братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких, Н.О. Лосского, Франка, Булгакова, Флоренского, Бердяева и др. Не меньшее воздействие Соловьев произвел на русский символизм – особенно поэзию А. Блока и А. Белого. Именно Соловьеву обязан русский Серебряный век той мистико-гностической линией, которая во многом определила атмосферу духовной жизни первых десятилетий XX в. в России. Не избежал влияния философии Вл. Соловьева и писатель Серебряного века Б.К. Зайцев. Об этом говорят многие исследователи творческого пути Зайцева, в частности Ю.А. Драгунова в монографии «Христианский мир Зайцева», Л.В. Краснова «Структуроформирующие функции пространства и времени в малой прозе Б.К. Зайцева», Т.М. Степанова «Художественные искания в мире публицистики Б.К. Зайцева» и др.

В русле этого влияния формировалась не только мировоззренческая позиция, но и творческая индивидуальность Б.К. Зайцева. Сам писатель обращал внимание на то, что Соловьев стал для него «водителем по духовному миру». По словам Б.К. Зайцева, имен-

но Вл. Соловьев приоткрыл новое в философии и религии, первым пробивал пантеистическое одеяние юности писателя и давал толчок к вере, открывал «новый и прекрасный мир, духовный и христианский, где добро и красота, знания мудро соединены, где нет ненависти, есть любовь, справедливость. Казалось, следовать за ним – и не будет ни национальных угнетений, ни войн, ни революций. Все должно развиваться спокойно и гармонически» [1, с. 49-50]. «...Вечная память и благодарность Соловьеву именно за юношеский подъем... За разрушение преград, за вовлечение в христианство – разумом, поэзией, светом...» [1, с. 52] – писал Б.К. Зайцев.

Следует заметить, что процесс «вовлечения» проходил непросто, ибо рожденный и воспитанный в безрелигиозной семье, изначально Зайцев был весьма далек от христианского отношения к миру. Авторитет Соловьева содействовал не только религиозному самоопределению, но и сохранению статуса христиански сориентированного художника. В автобиографическом романе «Дальний край» есть прямые указания на это: «Его [Петю Лапина] поддерживало в этих наивных самотерзаниях лишь то, что на его стороне был В. Соловьев. Ему казалось, что этот человек, пророческого вида, обороняет дивный Божий мир» [2]. Как известно, свою главную жизненную задачу мыслителя и общественного деятеля Владимир Соловьев видел в том, чтобы активно способствовать преобразованию мира посредством внесения «безусловной» истины христианства в сознание людей.

Основополагающим в философском учении Соловьева была «метафизика» всеединства. Смысл ее выражался в том, что мир являлся единым целым, в неразрывности человека, природы и Бытия. В этом исследо-

ватели творческого пути Соловьева видели пантеистическое начало. А.Ф. Лосев в книге «Вл. Соловьев и его время» [3], анализируя трактат Соловьева «Sophie», без сомнения, был прав, когда утверждал, что в период написания «Sophie», т. е. в 1875-1876 годах, Соловьев находился под влиянием пантеизма. Об этом свидетельствуют следующие факты. В трактате весь космос представлен как единое, содержащее в себе отдельные вещи, но не являющееся только их суммой. Абсолютное начало – это лишь возможность бытия, но не оно само. Соловьев представляет его довольно туманно, исключительно в категориях интеллектуальных абстракций. Материя есть тоже возможность, в этом случае возможность небытия, однако она участвует в процессе возникновения вещей наравне с Совершенным и Вечным Началом. Абстрактный человек, который проявляется в результате развития космоса, не до конца определен, следовательно, нельзя сказать с уверенностью, кто он.

Пантеистическая направленность философии Вл. Соловьева наглядно представлена в статье «Красота в природе» (1889). Природа, по учению Соловьева, одновременно множественна и едина. С одной стороны, в ней царит начало разобщенности – пространство и время отделяют точки бытия друг от друга. Многообразие в природе есть, в сущности, повторение изначального многообразия в сфере идей, и в этом смысле природа в сущности своей не отлична от Абсолюта. Но не даром она есть его другое; пусть в природе те же элементы, что и в Первоначале, но они находятся в ней «в недолжном соотношении». Взаимное вытеснение, вражда и борьба, внутренняя рознь выявляют темную основу в природе, то хаотическое начало, которое характерно для «внебожественного бытия». Вместе с тем буйствующие в природе силы не разрушают ее; природа сохраняет свое единство, хаос, являющийся в целом подлинным космосом, постоянно укрощается самой природой.

По Соловьеву, идея в реальном мире воплощается в трех главных видах небесной красоты: солнечной, лунной и звездной, олицетворяя в свете выразителя мирового всеединства. Вл. Соловьев в работе «Красота в природе» (1889) писал: «Лишь в свете веще-

ство освобождается от своей косности и непроницаемости... Свет или его невесомый носитель – эфир есть первичная реальность идеи в ее противоположности весоному веществу, и в этом смысле он есть первое начало красоты в природе. Дальнейшие ее явления обусловлены сочетаниями света с материей» [4].

Солнце представляет собой свет в своем собственном активном средоточии. Свет Луны есть свет отражений – «пассивная женственная красота лунной ночи». И, наконец, звездное небо представляет наибольшую степень красоты, ибо мировое всеединство и его выразитель, свет, расчленяется на самостоятельные средоточия, при этом объединяя их общей гармонией. Именно свет звезд говорит людям о вечной тайне и в то же время приоткрывает завесу над ней.

Пантеистическая направленность философии Вл. Соловьева оказала огромное влияние на раннее творчество Б.К. Зайцева. Соловьевское пантеистическое ощущение природы через призму света было наиболее близко Зайцеву. У Зайцева господство солнечного света воспринимается как торжество земного, самой жизни. В частности, в рассказе «Миф» он пишет: «Огненный диск растет, разливается, заполняет небо, влечет к себе» [5, с. 44]. В этих словах Зайцева мы замечаем некое ощущение тайны, рациональной непостижимости бытия, свойственное всей философии и культуре рубежа XIX-XX веков и сближающее произведения Б.К. Зайцева с философией Вл. Соловьева. Так, в творчестве писателя 900-х годов (да и практически на протяжении всей его творческой жизни) достаточно четко прослеживается разделение мира на земной (материальный) и потусторонний (трансцендентный). Деление мира на материальный и идеальный можно видеть уже в таких рассказах, как «Волки» (1902) и «Мгла» (1904), это уточняется, развивается в рассказах «Соседи» (1903), «Сон» (1904), «Океан» (1905), «Миф» (1906), «Гость» (1908), «Сны» (1909) и др.

В рассказе «Соседи» (1903) человек представлен только тенью реального мира, а связующим звеном между реальностью и другим миром (Божественным) становится музыка. В «Океане» (1905) практически мыслящей, имеющей огромную власть над ми-

ром является сила, заключенная в безграничной глади океана. В «Сне» (1904) герой, отгородившись от реального мира, способен постичь суть мироздания, проникнуть в потустороннее (высшее), пронизывающее природу. В рассказе «Миф» (1906) реальное и потустороннее (Божественное) слиты в прекрасной природе, окружающей героев. В «Снах» (1909) противопоставляется реальный мир с его грязью и мерзостью миру грез, любви, мечты, в который пытается уйти главный герой произведения, Никандр. В повести «Голубая звезда» (1918) символом высшего мира становится голубая Вега, с которой в теснейшей связи находится главный герой.

После 1905 года в произведениях писателя ярко прослеживается тяга к «положительному всеединству», проповедуемому Вл. Соловьевым. Это ярко выражено в ощущении полноты жизни героев Зайцева. Природа гармонически вливается в человеческую жизнь, становясь проводником Божественной благодати и гармонии. Отсюда и оптимистический взгляд писателя на мир. Это тем более очевидно, что к оптимистическому мироощущению Б. Зайцев пришел не сразу. В ранних его произведениях присутствует восприятие бытия как вечной трагедии, приближающей мироздание к Хаосу («Волки» (1902), «Мгла» (1904), «Черные ветры» (1906)). Так, Ю. Драгунова справедливо замечает, что «сначала жизнь для Б. Зайцева – это непереносимый путь к смерти, трагедия, безнадежность. Рок, темный хаос довлеют надо всем живым... Позже на мировосприятие прозаика оказывает большое влияние символично-религиозная философия Вл. Соловьева. Теперь на примерах реальной земной жизни, обыденных ситуаций писатель пытается передать по-прежнему таинственное, но уже не леденящее ужасом, а неизмеримо прекрасное дыхание Вечности, божественного благословения просто жить на земле и покорно принимать радость и горе, надежду и безнадежность» [6]. Так, уже в новелле 1906 г. «Миф» представлено стремление героя к единению с мирозданием, растворению в нем и сотворению еще более прекрасного мира. «Люди будут одеты роскошным, плавучим и нежным телом... Оно будет как-то легко кипеть, пениться и вместо

смерти таять, а может, и таять не будет, и умирать не будет», – утверждает автор [5, с. 44].

В ранних «соловьевских» рассказах Зайцева «Миф», «Полковник Розов», «Священник Кронид», «Деревня», «Молодые» господствует настроение счастливой отрешенности от всего будничного, провозглашение красоты природы и человека. «Алмазные капли прорезывают сверху вниз воздух, и божественная радуга висит на небе, Крон в солнечных лучах идет домой» [5, с. 29] – отмечает автор в рассказе «Священник Кронид».

Объективность красоты в природе, по Соловьеву, обусловлена смыслом мирового процесса: красота есть форма «идеальной сущности», и через нее добро и истина воплощаются в материальном бытии. А человеку она предстает в «специально эстетической форме» как прекрасное: «этого мы желаем как высшего блага, это мыслим как истину и это же ощущаем как красоту; но для того, чтобы мы могли ощущать идею, нужно, чтобы она была воплощена в материальной действительности. Законченность этого воплощения и определяется красота как таковая в своем специфическом признаке» [7]. Красота для Соловьева – «святая телесность», материя, просветленная божественной Истиной, являющаяся в образе Софии. Она – женственная тень Божества, душа вселенной.

Без преувеличения можно сказать, что идея Софии стояла в центре философии, поэзии, жизни Соловьева, а его софиология открыла новую и яркую страницу в этом учении, разработанном уже в нашем веке о. Павлом Флоренским и о. Сергием Булгаковым. Софийные интересы с ранней юности пробудились в душе Соловьева и постепенно вылились в многомерную художественно-философскую концепцию, венчавшую его философию всеединства и воплощавшую его религиозную тоску по идеальной вселенской церкви совершенного человеческого общества.

Представления о высшей духовности как «телесно воплощенной» в вечной женственности и красоте как ее выражении особенно близки Б. Зайцеву. В рассказе «Аграфена» (1907), в романе «Дальний край» (1910) появляются образы, вдохновленные идеей вечной женственности Соловьева. Рассказ «Бо-

гиня» (1915) продолжает развитие идей Соловьева.

Современница Зайцева Е.А. Колтановская при анализе «Аграфены» (1907) заметила, что «натура у Зайцева мягкая, мирная, женственная, без всяких бурь, протестов и диссонансов... для раскрытия извечного трагизма человеческого бытия (Зайцев) выбрал наиболее близкую и родственную стихию – женскую, которая к тому же богаче эмоциональностью и ближе к природе, женщина теснее и прочнее мужчины связана с истоками жизни. Женская жизнь раскрывается в «Аграфене» в самом значительном ее проявлении – в любви... сквозь преходящий облик любви везде проглядывается ее постоянное лицо – лицо одного и того же святого божества, осмысляющего жизнь» [8] Согласившись с исследовательницей, заметим, что Борис Зайцев и в своих последующих произведениях именно через женщину и женственность продолжает в более широком философском смысле созерцать Божий лик.

На наш взгляд, стремясь соединить в женщине земное и небесное начало, Б.К. Зайцев пытается развить идеи Вл. Соловьева о всепоглощающей любви и великой женственности (Софии), разлитой во вселенной. Для писателя, как и для философа, любовь является смыслом жизни. Таков герой Зайцева «странный мечтатель» Христофоров из повести «Голубая звезда» (1918), поклоняющийся Вечной женственности. Он помогает героине понять подлинную любовь: «Если любовь, – говорила она себе, – то пусть будет так же прекрасна, как эти звуки, томления гениев, и, если надо, пусть не воплотится. Если же дано, я приму ее вся, до последнего изгиба» [5, с. 228] – так Зайцев интерпретирует идею всепоглощающей любви Вл. Соловьева.

Проблеме любви Вл. Соловьев посвятил работу «Смысл любви» (1892). Он видел в любви два начала: природное и идеальное, но в конечном счете в любви возрождается образ Божий. По глубочайшему убеждению Соловьева, любовь имеет «единую и неизменную мистическую основу»: «Для Бога Его другое (то есть вселенная) имеет от века образ совершенной женственности, но он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотил-

ся для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться. К такой реализации и воплощению стремится и сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полнотой сил и действий. Весь мировой и исторический процесс есть процесс ее реализации и воплощения в великом многообразии форм и степеней». Отсюда – смысл любви, по Соловьеву, выражается в следующем: «Небесный предмет нашей любви только один, всегда и для всех один и тот же – вечная женственность Божия», но задача человека не в том, чтобы ей поклоняться, а в том, чтобы «реализовать и воплотить» этот идеал как индивидуальный и на земле. Земная любовь преходящая, но «невольное и непосредственное чувство открывает нам смысл любви как высшего проявления индивидуальной жизни, находящей в соединении с другим существом свою собственную бесконечность» [9].

В осмыслении категории любви Зайцев в своих произведениях идет в след за Соловьевым. Любовь в произведениях Зайцева представлена в различных формах. Любовь счастливая как послание высших сил описывается в рассказах: «Миф» (восприятие женщины как некоего божества), «Молодые» (отношения главных героев), «Мой вечер» (1909) (героиня благославляет любовь как великую посланницу Бога) и т. д. Любовь, носящую земной, даже греховный характер, любовь как физическое влечение мы находим в повести «Аграфена» (1908) (порочная страсть героини к мальчику-подростку), в рассказе «Лина» (1910) (физиологическая страсть героя к жене) и т. д. Любовь, сочетающая в себе земное и духовное (несущая божественное начало), часто неразделенная или несчастная в финале. В «Актрисе» (1911) безответная любовь приводит героиню к духовному очищению, пониманию божественного начала, дарованного ей в счастье любить. В рассказе «Сны» (1909) один из героев Никандр безответно влюблен в светлый образ, а отъезд возлюбленной чуть не приводит его к самоубийству. В «Спокойствии» любовь Феди и Тумановой заканчивается смертью обоих. В рассказе «Богиня» (1916) и Катя, и Ивлев кончают жизнь самоубий-

ством из-за неразделенной любви. Любовь-жертва Анны Дмитриевны к Никодимову присутствует в повести «Голубая звезда», когда она способна пожертвовать деньгами, именем ради мерзкого, развратного человека. Есть у Б.К. Зайцева произведения, в которых любовь является некой духовной сущностью, проявляющейся не только по отношению к индивидуальному человеку, но ко всему миру, к человечеству вообще. Так, в рассказах «Ласка» (1906), «Полковник Розов» (1907), так же как и в «Сестре» (1907), пьесе «Любовь» (1907) и многих других произведениях, Зайцев, как и Соловьев, объединяет в единое целое истину, добро, любовь и красоту. Отблеск Божественного начала, то есть отблеск женственности, он видит во всем живом, тем более в каждой женщине. Любовь, по Зайцеву, объединяет жизнь и смерть, она облегчает переход в мир иной. «Пусть мы умерли все, но мы так любили», – утверждает Зайцев словами героини рассказа «Сестра» [1, с. 111].

Для писателя, как и для философа, любовь есть смысл и цель жизни. Именно любовь связывает земное и небесное. Согласно христианскому откровению Бог есть любовь. Кто не любит, тот не познал Бога. Христианская любовь – это дар Бога, реализация совести, она не знает исключений: «любите врагов ваших». Любовь, по Соловьеву, – это та сила, которая подрывает корни всякого эгоизма, «всякой отдельности». Благотворна уже физиологическая любовь, соединяющая разнополюсы существа. Но истинная любовь – это воссоединение в Боге. Это истинная духовность.

Любовь у Зайцева, так же как у Соловьева, – это гармония, олицетворяющая Божественное созидательное начало, облагоражи-

вающее душу, приобщающее ее к светлым тайнам космоса. И в этом просматривается христианское понимание, согласно которому, как утверждал Н.О. Лосский в своей книге «Ценность и бытие», «совершенное конкретное единосущее в Царстве Божием есть не только совокупность субъективно-психологических переживаний, то есть чувств и стремлений нескольких лиц друг к другу, но и глубокое онтологическое преобразование их» [10, с. 445].

Люди, которые любят друг друга совершенной любовью, становятся носителями не только своей личной идеи, но также и идеи любимого человека, следовательно, возникает такое «сочетание их творческих сил, которое превращает их как бы в новое существо, глубоко отличное от каждого лица, взятого в отдельности, способное к творческим актам, столь высоким, что они представляются чудесными по сравнению с деятельностью обособленной личности... Отсюда ясно, что любовь к индивидуальной личности есть высшее проявление жизни вообще и нравственной жизни в частности» [10, с. 446], – подводит итог Н.О. Лосский. Такое понимание любви лежит в основе христианской позиции как Вл. Соловьева, так и Б.К. Зайцева.

Таким образом, соловьевские идеи целостности бытия, его рациональной непостижимости; «положительного всеединства»; Прекрасной Дамы, как воплощения неразрывности «трех высших истин» – Истины, Добра и Красоты; двоemiрия; любви как возрождения идеального в образе Божьем нашли свое отражение как в ранних произведениях писателя, так и на протяжении всего жизненного и творческого пути Бориса Константиновича Зайцева.

Список использованной литературы:

1. Зайцев Б.К. Соч. в 3-х т. – М.: Терра, 1993. Т. 1.
2. Зайцев Б.К. Собр. соч. в 11т. – М.: Русская книга, 1999. с. 493.
3. Лосев А.Ф. Соловьев и его время. – М., 1990, с. 720.
4. Соловьев В. Красота в природе//Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. – Санкт-Петербург: Художественная литература, 1994. с. 217-218.
5. Зайцев Б.К. Голубая звезда. – Тула, Приок. кн. изд-во, 1989.
6. Драгунова Ю.Б. Импрессионистические тенденции в творчестве Б.К. Зайцева 1901-1932гг. – Орел, 1998. с. 50.
7. Соловьев В.С. Основы духовной жизни// Соловьев В.С. Избранные труды. – Ростов-на-Дону, 1998. – с. 112.
8. Колтановская Е.А. Борис Зайцев// Венгеров С.А. Русская литература XXв.: 1890-1910 гг.; 1916. – Т.3. – Кн. 8. – с. 69.
9. Философский словарь Вл.Соловьева. – Ростов-на-Дону. с. 108.
10. Лосский Н.О. Условия Абсолютного Добра. Любовь// Лосский Н.О. Ценность и бытие. – М., Харьков, 2000.